

05
к 72.

ОВЫЙ МИР

КНИГА
ДВЕНАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Многокрасочная вкладка:

И. В. СТАЛИН на выпуске слушателей военных академий — худ. В. Н. ЯКОВЛЕВА.

РЕЧЬ ТОВАРИЩА СТАЛИНА на I всесоюзном совещании стахановцев

РОМАНЫ, РАССКАЗЫ, ПЬЕСЫ:

К. ГОРБУНОВ
ЛЕОНИД ЛЕОНОВ
БОР. ПИЛЬНИК
С. МИСИСЛАВСКИЙ
Н. МХОВ

СТИХИ И ПОЭМЫ:

БОР. КОРНИЛОВ
МАРИАННА ТОЛСТАЯ
ЛЮДИ И ФАКТЫ:

Г. ЧУЛКОВ

ЗА РУБЕЖОМ:

АЛ. ХАМАДИН

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО:

И. РАБИНОВИЧ

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ:

М. ЭГАРТ, ЭРТ

ПРОВЕРЕНО 1938 г.

М О С К В А
1 . 9 . 3 . 5

Н О В Ы Й

М И Р

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ж у р н а л

05
Н 72

Принято 1938 г.

книга
двенадцатая
декабрь

М О С К В А
1 . 9 . 3 . 5

Санкт-Петербургская
областная библиотека
№ 16036

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Многокрасочная вкладка: И. В. СТАЛИН НА ВЫПУСКЕ СЛУШАТЕЛЕЙ ВОЕННЫХ АКАДЕМИЙ—картина худ. В. Н. ЯКОВЛЕВА.

1. Речь тов. СТАЛИНА на I Всесоюзном совещании стахановцев	3
2. К. ГОРБУНОВ. — Кризис, рассказ	15
3. ЛЕОНИД ЛЕОНОВ. — Дорога на Океан, роман, окончание	31
4. БОР. КОРНИЛОВ. — Последний день Кирова, поэма	106
5. БОР. ПИЛЬНЯК. — Созревание плодов, роман, окончание	112
6. МАРИАННА ТОЛСТАЯ. — Два стихотворения	160
7. С. МСТИСЛАВСКИЙ. — Удел сильных, пьеса	162
8. Н. МХОВ. — Коломенский завод	220

ЛЮДИ И ФАКТЫ:

9. Г. ЧУЛКОВ. — Путевые заметки	236
---	-----

ЗА РУБЕЖОМ:

10. АЛ. ХАМАДАН. — США, окончание	249
---	-----

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО:

11. И. РАБИНОВИЧ. — Бронзовые пролетарии	267
--	-----

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ:

12. М. ЭГАРТ. — В. Каверин. «Исполнение желаний»	283
13. ЭРТ. — Як. Рыкачев. «Сложный ход»	284

Статформат Б/5 176 × 256.

Узлы. Главл. Б-15828.

Об'ем 18 печ. лист. по 64 000 знак.

Сдано в набор 8/XII-85 г.

Подписано к печати 30/XII-85 г.

Техн. ред. В. Раковская.

Зав. 1972

Тип. им. тов. И. И. Скворцова-Степанова «Известия ЦИК СССР и ВЦИК». Москва.

Люди и факты

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Г. Чулков

Биби-Эйбат

Я и мой спутник, художник, который вот уже несколько лет усердно лепит из глины, режет из дерева, высекает из мрамора наших героев труда, сели в так называемую «кукушку» и поехали по узкой колее на промысла имени Сталина.

Промысла расположены в трех-четырех километрах на юг от Баку, там, где бухта Ильича. Как-раз к моему приезду забил новый фонтан на Биби-Эйбате, и мы ехали посмотреть на бунтующие недра. Должен признаться, что ехал я, потому что не желал быть «ленивым и нелюбопытным», в чем обвинял русских людей наш зоркий и неутомимый Пушкин, но сердце мое не было сильнее оттого, что на Биби-Эйбате новая скважина стала фонтанировать. Однако, тут же в вагоне «кукушки» я убедился, что не у всех такие холодные сердца, как у меня. Рядом со мной сидела девушка (не могу себе простить, что не узнал ее имени, — где я теперь ее найду?), — так вот у этой девушки сердце было горячее. Незнакомка была масленщица со Сталинских промыслов. Заговорили о новом фонтане, и вдруг я понял, что между этой девушкой и событием на вышке «1115», где вырвалась из скважины нефть, есть такая связь, которую мы, скитальцы и путешественники, можем только угадать и оценить, но по-настоя-

щему до конца понять едва ли сможем.

— О, наш район покроет теперь все наши нехватки! — это ее голос, голос молодой и хорошей гордости.

— А успеете вы надеть намордник на скважину? Не расточите напрасно богатства?

— О, наши ребята справятся!

Глаза у нее засияли, и мне не стыдно признаться, что эта масленщица заразила меня своим волнением.

Да, тут у бухты Ильича идет какая-то особенная, страстная борьба с недрами. Когда-то, задолго до нашей революции, здесь, на Биби-Эйбате, было разбросано несколько десятков нефтяных колодцев, глубиною не более двадцати метров. Все колодцы давали в год каких-нибудь пять-шесть тысяч пудов. Явились догадливые промышленники Тагиев, Саркисов, Зубалов. Купили участок, затратив каждый по ничтожной сумме денег, и эти самые колодцы дали им черного золота на миллионы рублей. Вероятно, у Зубалова тоже блеснули глаза, когда забил на Биби-Эйбате первый фонтан, но это был совсем иной, жадный блеск. И едва ли эти миллионеры поверили бы тогда, что внуки и внучки тех самых нефтяников-рабочих, которых они держали голодами в зловонных бараках, понесли глиной водой, душили двенадцатичасовым рабочим днем, будут радоваться нефтяной добыче, сознавая, что борьба за нефть есть одно из условий освобо-

ждения человека от извечного рабства. Вот этот бескорыстный блеск счастливых глаз худенькой, совсем юной девушки — едва ли не лучший залог великих возможностей нашей эпохи.

Мы вышли из вагончика как-раз у фонтанирующей скважины. Бывают неожиданные впечатления от фактов, давно описанных и всем хорошо известных. Так, я помню мое впечатление от Венеции, когда я первый раз, много лет назад, попал в этот волшебный город. Сотни всевозможных книг, картин, гравюр красноречиво говорили мне о Венеции, и я думал, что если я знаю музейных Тицианов, Тинторетто и Веронезе, если я читал записи Казановы и текст старых венецианских новелл и комедий, то ничего нового я не узнаю, увидев настоящую Венецию. И оказалось, что Венеция совсем не то, что я о ней думал. Или вернее — «то, да не то». И как только я приехал вечером в город, сел в гondолу и увидел венецианцев, закутанных в плащи, беззвучно скользящих по горбатым мостам, а утром, выйдя из отеля, очутился перед фасадом св. Марка, я почувствовал, что Венеция — нечто неожиданное, небывалое, совершенно незнакомое и увлекательное именно своею новизною.

Так и этот фонтан (да простят мне эстеты сравнение прозаического про мысла с драгоценным памятником старинного зодчества), так и этот фонтан, тысячу раз описанный и занесенный в соответствующую рубрику наших экономических богатств, поразил меня, как нечто неожиданное. Конечно, это то самое, но однако «то, да не то».

Прежде всего позвольте вас уверить, читатель, что древний дракон, вырывающийся из недр и готовый пожрать и слабых девушек, и зрелых мужчин, — вовсе не сказка, а самая настоящая реальность. Пожалуйте сюда, на Биби-Эйтат, и послушайте, как ревет этот ужасный зверь, почему-то названный номером «1115». Впрочем, это, вероятно, номер клетки, а не самого зверя. У драконов должно быть имя не столь прозаическое. Называем же мы звезды не только греческими буквами и цифрами, но и яркими именами. О том,

как ревет нефтяной фонтан, писали многие, но все это «пропускаешь мимо ушей», и вот, когда сам услышишь этот безумный вопль, когда твой сосед орет во всю глотку, а ты не можешь разобрать ни одного слова от фантастического грохота и стона, только тогда начинаешь понимать этот феномен. Нет, он ревет не спроста, этот фонтан. Там, на глубине тысячи с лишком метров, спала стихия. И вдруг копье (подлиннее, чем копье св. Георгия на известной картине Карпаччо) проткнуло бок подземному дракону и разбудило его. Вот он и ревет, как раненый — чудовищный зверь.

Колоссальный столб нефти и газов был освещен солнцем, и казалось, что он горит, что это дым и огонь. По счастью, это только казалось. Люди с винтовками стерегут великана далеко вокруг. Легкомысленные зеваки не подпустят к фонтану. Тут же стоят пожарные. Конечно, не найдется такого идиота или неголя, который зажег бы здесь спичку (на промыслах курить нельзя нигде), но фонтан может вспыхнуть и без всякой спички. Газы могут взорваться от любого удара; упади железный болт, труба или еще что — и мгновенно запылает целый район. Стоишь, как у входа в ад, где, по уверению Данте, должна быть надпись: «Оставь надежду навсегда». Но тот дантовский, ад был побежден, как известно, совсем не таким способом, каким мы теперь побеждаем этот ад в Биби-Эйтате.

И вот опять неожиданность. Из книг мы знаем, что, когда фонтан нефти вырывается раньше, чем на это рассчитывают бурильщики, его надо закрыть, то есть замкнуть скважину так, чтобы нефть шла по определенному руслу, по трубе, а не разливалась мрачным морем, затопляя зря землю и унося ценные газы в пространство. Мы это знаем из книг. Но вот когда видишь живых товарищей, которые самоотверженно бросаются в этот черно-красный зловонный ужас, чтобы укротить чудовище, начинаешь сознавать, что, читая раньше о нефти, ты не понимал самого главного. Бросаясь в нефтяной столб,

человек глохнет, слепнет и задыхается. Он выходит из этого ада с другим цветом кожи, с иными, ему ранее не свойственными, жестами, с другим дыханием, а главное, с другой психологией. Я стоял с товарищем художником и с двумя сотрудниками московских газет. Мы, зрители, чувствовали себя как-то виноватыми. Я, по крайней мере, испытывал это чувство, и, мне кажется, товарищи разделяли его.

«Что за чепуха! — думал я: — При чем тут моя вина? Эти ребята исполняют свои обязанности. Они, конечно, молодцы и герои, но почему ты виновен в том, что тот или другой товарищ, работающий на вышке, рискует ослепнуть или задохнуться в ядовитых газах?».

Уверю вас, что в этих мыслях не было никакой сентиментальности, да и вообще никакого «психологизма». Это просто было чувство «круговой поруки». Это не значит, что надо по этому поводу вытаскивать из кантанского архива «нравственный категорический императив». Это было чувство живой, реальной жизни. Это была диалектика истории. Человек в какую-то эпоху со знает, что индивидуализм во всех его модификациях — недолгота. «Вина», конечно, не твоя лично, но это — «вина истории». И если ты ее осознал, это значит, что ты на учете действующих сил. Пословица «Моя хата с краю» теряет свой смысл на промыслах имени Сталина, как и вообще в нашей стране.

Мне говорили в Москве, что пейзаж бакинских промыслов совершенно изменился, что будто бы нет уже всем известных традиционных вышек. Это совсем не так. Правда, с отменой пресловутой желонки, которой управлял старый тартальщик, вышка утратила свое значение. Но она нужна, когда производится бурение. У тех скважин, где работает насос, вышек нет. Но там, где бурят, стоят эти эйфелевые башни. Стоят также сотни старых, неразобраных вышек: и пейзаж все тот же, напоминающий иные гравюры Пиранези.

Мы бродили, как в лесу, среди этих черных великанов. Острый запах нефти и газа, черные озера и эти люди, жел-

толицы, как китайцы, — все делало своеобразным странный мир, где встречался человек с тайнами недр. Мы подошли к буровой «1001». Это был раненый великан. Здесь бурили «по-американски». Завоевывали 17-й пласт.

Мастер, владимирац, выделяющийся среди южан своими светлыми волосами, с умным, приветливым лицом, показывал нам сломавшуюся трубу, которую извлекли из скважины. Из-за аварии бурение задержалось на целый месяц. Мастер объяснял неудачу плохим качеством трубы, приобретенной нами в Польше. Но подошел другой товарищ и стал доказывать, что труба была неплохая и что авария произошла от неосторожности бурильщиков. В изданной в 1932 году книжке «Путь развития азербайджанской нефтяной промышленности», предназначеннной для членов Всесоюзной сплавной конференции, говорится, между прочим, что полное изживание аварий является «кардиальной задачей бурения во второй пятилетке». До «полного» изживания нам пока еще далеко, но и то, что мы завоевали в области технической реконструкции, весьма значительно.

Старый способ бурения совершенно устарел, и применяются только вращательный и турбинный, как в Америке. На обратном пути заехали мы в управление промыслами. Директора не оказалось. Его заместитель любезно принял нас и тотчас же заговорил о фонтане. У товарища была не такая интонация, как у масленицы, с которой мы разговаривали в «кукушке». Это человек, повидимому, деловой, — без романтизма, — как подобает трезвому хозяйственному.

— Существуют три способа добывания нефти, — сказал он: — посредством фонтанов, посредством насоса и, наконец, посредством компрессора. Наименее экономичный, явно расточительный и опасный, способ фонтана. То, что скважина «1115» фонтанирует, с нашей точки зрения, — неудача... Когда-то владельцы промыслов радовались каждому фонтану, ибо он обогащал их скромным образом и не требовал никаких значительных затрат на технику дела.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская. 20; тел. для справок: (3532) 60-61-30